

Antoine de Saint Exupéry

SYAO PRINSA

A Léon Werth

Me he dediki sey kitaba a un adulte jen. Bat me gro-pregi kindas om ke li pardoni to a me. Sey adulte jen es zuy hao amiga ke me hev in munda. Lu mog samaji olo, iven kindakitaba. Lu jivi in Frans. Lu senti hunga e lengitaa. Lu gro-nidi gei konsoli. Mogbi se olo bu haishi skusi me... Dan me mog dediki sey kitaba a kinda ke sey adulte jen bin bifooben. Oli adulte jen ya un-nem bin kinda (obwol shao de li remembi om to). Also me korektisi may dedika:

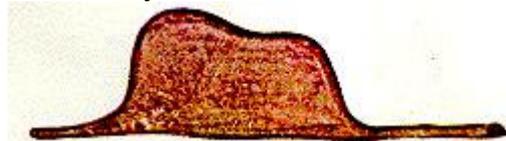
*A Léon Werth,
wen lu bin syao boy*

Un-ney chapta

Al yash de sit yar, unves me vidi un magnifike imaja in kitaba om virga-ney shulin kel nami "Reale historias". It prisenti boa-serpenta, kel zai gloti un savaje bestia. Walaa kopia de rasma.

Oni shwo in kitaba: «Boa-serpenta gloti suy kaptura totem, sin chabi. Afte se ta bu mog muvi pyu e somni duran sit mes digesti-yen». Dan me mediti mucho om jangla aventuras. Pa may tur, me rasmi bay kolorkalam may un-ney rasma. May rasma numa Un. Walaa kwel it es:

Me diki may rasma a adulte jenta e kwesti, ob may rasma fobisi li.

— Way shapa mus fobisi? — oni jawabi a me. Bat may rasma bu prisenti shapa. It prisenti boa-serpenta, kel zai digesti elefanta. Also me rasmi lo

Антуан де Сент-Экзюпери

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый - мой самый лучший друг. И еще: он понимает все на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живет во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же все это меня не оправдывает, я посвящу эту книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

*Леону Верту,
когда он был маленьким*

Первая глава

Когда мне было шесть лет, в книге под названием "Правдивые истории", где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея - удав - глотала хищного зверя.

В книге говорилось: "Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу".

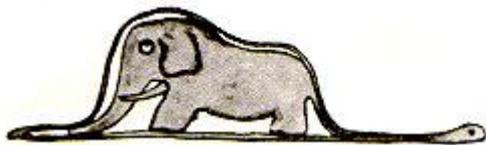
Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок N 1. Вот что я нарисовал:

Я показал мое творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

- Разве шляпа страшная? - возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри,

inen de boa-serpenta, dabe adultas samaji. Li sempre nidi explika. May rasma numa Dwa es tal:

Adultas konsili, ke me kwiti rasmi lo inen o lo ausen de serpentas e preferi fai interes om geografia, historia, kalkula e gramatika. Tak hi, pa yash de sit yar, me he abnegi brilante kariera de pikter. Fiasko de may rasma numa Un e de may rasma numa Dwa he desinspiri me. Adultas neva samaji enisa pa selfa, e sempre tu expliki olo a li mah kindas fatigi.

Also me he mus selekti otre profesion e lerni piloti avion. Me gwo flai kelkem kadalok in munda. E geografia, ver, gwo servi gro a me. Me gwo mog pa un-ney kansa distincti Jungwo fon Arisona. Es muy utile, si oni he lusi dao duran nocha.

Duran may jiva me gwo hev menga de kontakta kun menga de seriose jen. Me gwo jivi mucho she adultas. Me gwo vidi li ga blisem. Se bu he mah-hao gro may opina om li.

Wen me gwo miti un de li, kel sembli a me idyen pyu do klare kapa, me gwo diki a ta may sempre kipi-ney rasma numa Un. Me yao jan, ob ta es verem samajishil. Bat oni sempre gwo shwo: "Es shapa". E me bu shwo kun ta ni om boa-serpenta, ni om jangla, ni om stara. Me adapti a suy nivel. Me shwo om brij, golfa, politika e tay. E toy adulta es santush por koni tal rasum-ney jen.

Dwa-ney chapta

Also me jivi-te sole, sin un jen fo kunshwo.

Sit yar bak me majbur landi in sahra Sahara: koysa he rupti in motor. Por ke kun me bu ye ni mekaniker, ni musafer, me tayari swa fo trai zwo mushkile repara ga sole. Fo me es kwesta do jiva oda morta. Me hev akwa do pi apena fo ot dey.

Pa un-ney aksham me en-somni on ramla, pa mil milya fon eni habitilok. Me es pyu isoli-ney kem afte-shiprupta-ney jen on plota miden osean.

Imajini ba may surprisa, wen al fa-dey koy strane vos-ki jagisi me, shwo:

чтобы взрослым было понятнее.

Им ведь всегда нужно все объяснять. Это мой рисунок N 2.

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками N 1 и N 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на летчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьешься с пути.

На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок N 1 - я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: "Это шляпа". И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

Вторая глава

Так я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам.

И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам все починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, - и тот был бы не так одинок.

Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня

— Plis... rasmi yan fo me.

— Aa?

— Rasmi yan fo me...

Me en-stan pa salta, kwasi trefi-ney bay bliza. Me hao-hao froti okos. Me hao-hao kan. E me vidi ga nopinchan syao jen-ki, kel zai kan me seriosem.

Walaa zuy hao portreta de lu, ke me aften suksezi zwo.

Bat sertem may rasma es mucho meno admirival kem lu in realitaa. Bu es may kulpa. Adultas he mah me desinspiti om may pikter kariera al yash de sit yar, also me bu he lerni rasmi enisa exepte lo inen e lo ausen de boa.

Also me zai kan sey apari-ney jen bay okos gran por astona. Bu fogeti ba, ke me es pa mil milya fon eni habitilok. Yedoh, may syao jen-ki bu sembli ni lusi-ney, ni morti-she por fatiga, hunga, pyasa o foba. Lu totem bu aspekti kom kinda lusi-ney miden sahra, pa mil milya fon eni habitilok.

Wen pa fin me snova mog shwo, me shwo:

— Bat... kwo yu zwo hir?

E lu repeti, ga mulem, kom kosa muy seriose:

— Plis... rasmi yan fo me.

Wen misteria gro-impresi, oni bu mog desobedi.

Kwel unkwe absurde to sembli a me hir, pa mil milya fon eni habitilok e al danja de morta, me tiri papirlif e kalam aus posh. Bat dan me remembi, ke me gwo lerni primem geografía, historia, kalkula e gramatika, e me shwo a syao jen-ki (pa idyen buhao muda), ke me bu janmog rasmi.

Lu jawabi:

— Es egale. Rasmi yan fo me.

Por ke me neva gwo rasmi yan, me rizwo fo lu un de toy rasma ke me mog zwo: sey-la de lo ausen de boa. E kun gro-astona me audi, ke syao jen-ki

разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

- Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

- А?..

- Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьезно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать.

Но на моем рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художник из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов - снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

- Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьезно:

- Пожалуйста... нарисуй барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я все-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать. Он ответил:

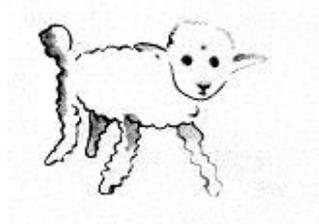
- Все равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать - удава снаружи. И

shwo a me:

— Non! Non! Me bu yao elefanta inen boa. Boa es muy danjaful, e elefanta es tro gran. She me olo es ga syao. Me nidi yan. Rasmi yan fo me.

Also me rasmi.

Lu kan atentem, shwo:

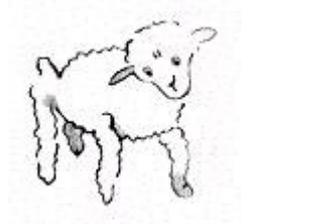
— Non! Sey-la es yo morba-ney. Rasmi ba otre. Me rasmi:

May amiga smaili mulem, kun indulga:

— Yu vidi selfa... Bu es yan, es gro-yan. Ta hev kornas.

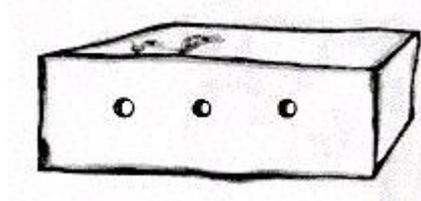
Also me snova rizwo may rasma.

Bat, sam kom bifoo-ney-las, it gei refusi:

— Sey-la es tro lao. Me treba yan kel jivi longtaim.

Dan me lusi sabra, me treba ya desinstali motor kway, also me shma-rasmi lo sey, shwo:

— Walaa boxa. Yu yao na yan es inen.

Bat me vidi kun gro-surprisa, ke fas de may yunge judista fa-joi:

— Den se hi me yao! Kwo yu dumi, ob treba mucho herba fo sey yan?

— Way yu kwesti?

— Bikos she me olo es ga syao...

— Sertem sufí. Me dai a yu un ga syao yan.

очень изумился, когда малыш воскликнул:

- Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасен, а слон слишком большой. У меня дома все очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

- Нет, этот барашек уже совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

- Ты же сам видишь, - сказал он, - это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому.

Но он и от этого рисунка отказался:

- Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение - ведь мне надо было поскорей разобрать мотор - и нацарапал ящик.

И сказал малышу:

- Вот тебе ящик. А в нем сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

- Вот это хорошо! Как ты думаешь, много этому барашку надо травы?

- А что?

- Ведь у меня дома всё очень маленькое...

- Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

Lu inklini kapa a rasma:

— Bu tanto syao... Kan ba! Ta he en-somni...
Tak me en-koni syao prinisa.

Tri-ney chapta

He treba mucho taim fo ke me samaji, fon wo lu lai. Syao prinisa fai mucho kwesta a me, bat pa sembla bu audi may-las. Es por kasuale worda ke olo shao-po-shao gei reveli a me.

Tak, wen lu pa un-ney ves vidi may avion (me bu ve rasmi may avion, es tro mushkile fo me), lu kwesti:

— Kwo es sey kosa?

— Bu es kosa. It flai. Es avion. May avion.

E kun garwitaa me expliki a lu, ke me flai. Dan lu ek-krai:

— Kwo? Also yu lwo-te fon skay?

— Ya, — me shwo namrem.

— Ah! Es drole...

E syao prinisa ridi gro-alegrem, lo kel vexi me. Me yao, ke oni trati may mushkila seriosem. Poy lu adi:

— Also, yu toshi lai fon skay! Fon kwel planeta yu es?

"Walaa jawaba a enigma", me dumi e kwesti tuy:

— Also yu lai fon otre planeta, bu ver?

Bat lu bu jawabi. Lu idyen sheiki kapa al kan may avion:

— Wel, bay sey-la oni bu mog lai fon muy dale.

E lu en-mediti fo longtaim. Poy lu tiri aus posh may yan e en-kontempli suy tresor.

Imajini ba, komo me es intrigi-ney bay sey haf-konfesa om "otre planetas". Also me trai en-jan pyu:

— Fon wo yu lai, may boy? Wo es yur dom? A wo yu yao pren may yan?

Afte mediti idyen, lu jawabi:

— Es muy hao, ke yu he dai boxa a me. In nocha it ve servi kom dom fo ta.

— Sertem. E si yu suluki hao, me ve dai a yu yoshi korda fo ligi ta al dey. E staka-ki.

Sey proposa sembli shoki syao prinisa.

— Ligi ta? Es ya strane idea.

— Bat si yu bu ligi ta, ta go a koylok e fa-lusi...

May amiga snova ridi alegrem:

— A wo, yu dumi, ke lu mog go?

— A enilok. Rektem avan.

Dan syao prinisa shwo seriosem:

- Не такой уж он маленький... - сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок.

- Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

Третья глава

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но когда я спрашивал о чем-нибудь, он словно и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне все открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолет (самолет я рисовать не стану, мне все равно не справиться), он спросил:

- Что это за штука?

- Это не штука. Это самолет. Мой самолет. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать.

Тогда он воскликнул:

- Как! Ты упал с неба?

- Да, - скромно ответил я.

- Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьезно. Потом он прибавил:

- Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

"Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!" - подумал я и спросил напрямик:

- Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолет:

- Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чем-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось мое любопытство от этого полупризнания о "других планетах". И я попытался разузнать побольше:

- Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом?

Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

- Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

- Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе веревку, чтобы днем его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

- Привязывать? Для чего это?

- Но ведь если ты его не привяжешь, он забредет неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

- Да куда же он пойдет?

- Мало ли куда? Все прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьезно:

— Es nixa, es ya syao she me.
E lu adi, idyen tristem:
— Rektem avan oni bu mog go muy dalem...

Char-ney chapta

Tak me en-jan yoshi un muhim kosa: suy planeta es apena pyu gran kem un dom!

Yedoh, se bu astoni me gro. Me jan, ke krome gran planetas kom Arda, Jupiter, Marsa e Venus, a kel oni he dai nam, ye yoshi stokas de otre-las, kel es koyves tanto syao, ke es gro-mushkile vidi li bay teleskop. Wen astronomier deskovri un de li, ta dai a it numer inplas nam. Fo exampla, ta nami it "asteroida 3251".

Me hev seriose reson fo opini, ke planeta de syao prinsa es asteroida B-612. Sey asteroida bin vidi-ney bay teleskop sol un ves, in yar 1909, bay un turke astronomier.

Ta he zwo dan gran presenta om suy deskovra pa Internasion-ney Astronomike Kongres. Bat nulwan he kredi a ta por suy klaida. Tal hi es adultas.

Pa fortuna fo reputasion de asteroida B-612, turke diktator mah-te suy jenmin, sub mortapuna, klaidi swa kom europajenta. Toy astronomier, klaidi-ney gro-elegantem, rizwo-te suy presenta in 1920. E al sey ves oli opini samem.

Tanto detal-nem me zai rakonti a yu om asteroida B-612 sol por adultas. Adultas gro-pri sifra. Wen yu shwo a li om yur nove amiga, li neva kwesti om lo shefe. Li neva shwo: "Komo luy vos suoni? Kwel geimes lu preferi? Ob lu kolekti parpar?" Li kwesti: "Kwel es luy yash? Kwanto brata lu hev? Kwanto lu vegi? Kwanto luy patra gwin?" Sol dan li opini, ke li koni lu.

Si oni shwo a adultas: "Me he vidi un jamile dom do rose brik, kun geranium pa winda e paloma pa ruf", — li bu pai imajini sey dom. Treba shwo a li: "Me he vidi dom do sto mil franko", — e dan li ek-krai: "Oo es ya gro-jamile!"

Samem, si yu shwo a li: "Syao prinsa existi, e walaa pruva: lu bin admirival, lu he ridi, lu he yao yan. E si oni yao yan, es pruv-ney, ke oni existi",

- Это не страшно, ведь у меня там очень мало места.
И прибавил не без грусти:
- Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...

Четвёртая глава

Так я сделал еще одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!

Впрочем, это меня не слишком удивило. Я знал, что, кроме таких больших планет, как Земля, Юпитер, Марс, Венера, существуют еще сотни других и среди них такие маленькие, что их даже в телескоп трудно разглядеть. Когда астроном открывает такую планетку, он дает ей не имя, а просто номер. Например: астероид 3251.

У меня есть серьезные основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая называется "астероид B-612". Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом.

Астроном доложил тогда о своем замечательном открытии на Международном астрономическом конгрессе. Но никто ему не поверил, а все потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрослые!

К счастью для репутации астероида B-612, турецкий султан велел своим подданным под страхом смерти носить европейское платье. В 1920 году тот астроном снова доложил о своем открытии. На этот раз он был одет по последней моде, - и все с ним согласились.

Я вам рассказал так подробно об астероиде B-612 и даже сообщил его номер только из-за взрослых. Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: "А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?" Они спрашивают: "Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?" И после этого воображают, что узнали человека. Когда говоришь взрослым: "Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби", - они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: "Я видел дом за сто тысяч франков", - и тогда они восклицают: "Какая красота!"

Точно так же, если им сказать: "Вот доказательства, что Маленький принц на самом деле существовал: он был очень, очень славный, он смеялся, и ему хотелось

— li sol ek-lifti plechas e trati yu kom kinda.

Bat si yu shwo a li: "Ta lai na planeta es asteroida B-612", — dan li es konvinsi-ney e bu tedi yu bay ley kwesta. Tal hi li es. Bu gai fa-vexi por li. Kindas mus bi muy indulgishil versu adulte jenta.

Bat nu, toy-las hu samaji jiva, nu sertem moki sifra! Me wud yao begin sey historia kom fabula. Me wud yao begin tak:

"Unves ye syao prinsa. Lu jivi pa planeta, kel es apena pyu gran kem lu, e lu gro-nidi amiga..." A toy-las, hu samaji jiva, to wud suoni mucho pyu verem.

Me bu yao ya, ke oni lekti may kitaba fo amusi swa. Me sta triste al rakonti sey rememba. Sit yar yo he pasi afte ke may amiga he kwiti me kun suy yan. E me zai trai deskribi lu, dabe bu fogeti. Es triste tu fogeti amiga. Bu kada jen hev amiga. E me mog bikam tal kom adultas kel bu fai interes om enisa krome sifras.

Yoshi por se hi me he kupi boxa kun pintas e kelke kolorkalam. Bu es fasile tu begin rasmi in may yash, si oni bu gwo rasmi enisa krome lo inen e lo ausen de boa, e sol al yash de sit yar! Sertem, me ve trai mah portreta zuy realitaa-simile. Bat me bu es ga sigure, ke me suskses. Un rasma es hao, otre-la bu es simile.

Yoshi me idyen fa-trompi relatem gaotaa. Hir syao prinsa es tro gran, dar lu es tro syao. Me hesiti yoshi relatem kolor de luy klaida. Also me trai rasmi tak e trai otre, nau pyu hao, nau pyu bade. Pa fin, me mog galti om koy muhim detal. Yedoh gai ke oni pardoni se a me. May amiga he nulves expliki enisa a me. Mogbi lu he dumi, ke me es same kom lu.

Bat, pa afsos, me bu janmog vidi yan tra boxa. Mogbi me es idyen kom adultas. Shayad me fa-lao.

иметь барашка. А кто хочет барашка, тот, безусловно, существует", - если им сказать так, они только пожмут плечами и посмотрят на тебя, как на несмышленого младенца. Но если сказать им: "Он прилетел с планеты, которая называется астероид В-612", - это их убедит, и они не станут докучать вам расспросами. Уж такой народ эти взрослые. Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым.

Но мы, те, кто понимает, что такое жизнь, мы, конечно, смеемся над номерами и цифрами! Я охотно начал бы эту повесть как волшебную сказку. Я хотел бы начать так:

"Жил да был Маленький принц. Он жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга...". Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу бы увидели, что все это чистая правда.

Ибо я совсем не хочу, чтобы мою книжку читали просто ради забавы. Сердце мое больно сжимается, когда я вспоминаю моего маленького друга, и нелегко мне о нем говорить. Прошло уже шесть лет с тех пор, как он вместе со своим барашком покинул меня. И я пытаюсь рассказать о нем для того, чтобы его не забыть. Это очень печально, когда забывают друзей. Не у всякого есть друг. И я боюсь стать таким, как взрослые, которым ничто не интересно, кроме цифр. Вот еще и поэтому я купил ящик с красками и цветные карандаши. Не так это просто - в моем возрасте вновь приниматься за рисование, если за всю свою жизнь только и нарисовал что удава снаружи и изнутри, да и то в шесть лет! Конечно, я постараюсь передать сходство как можно лучше. Но я совсем не уверен, что у меня это получится. Один портрет выходит удачно, а другой ни капли не похож. Вот и с ростом тоже: на одном рисунке принц у меня вышел чересчур большой, на другом - чересчур маленький. И я плохо помню, какого цвета была его одежда. Я пробую рисовать и так и эдак, наугад, с грехом пополам. Наконец, я могу ошибиться и в каких-то важных подробностях. Но вы уж не взъежитесь. Мой друг никогда мне ничего не объяснял. Может быть, он думал, что я такой же, как он. Но я, к сожалению, не умею увидеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я немного похож на взрослых. Наверно, я старею.

Pet-ney chapta

Kada dey me en-jan koysa om suy planeta, om suy departa, om suy safara. Se lai shao-po-shao, bay kasuale worda. Tak hi, pa tri-ney dey, me en-koni drama do baobaba.

Se eventi toshi dank a yan. Kwasi kapti-ney bay grave duba, syao prinsa turan kwesti me:

— Ver-bu-ver, ke yan chi bush?

— Ver.

— Ah! Gro-hao.

Me bu samaji, way es tanto muhim, ke yan chi bush. Bat syao prinsa adi:

— Also ta chi yoshi baobaba ku?

Me objeti ke baobaba bu es bush, baobaba es baum, gran kom kirka, e si iven lu wud mah-lai tote trupa de elefantas, li bu wud mog chi un sole baobaba til fin.

Idea om trupa de elefantas mah syao prinsa ridi:

— Wud treba pon li oli un on otre...

E poy lu remarki sajem:

— Baobaba, bifoo ke ta fa-gran, ta es syao...

— Ver! Bat way yu yao ke yur yan chi syao baobaba?

Lu jawabi a me: "Es ya klare!", kwasi temi om koysa totem evidente. E me mus gro-dumi, dabe samaji sey problema.

Pa syao-prinsa-ney planeta, sam kom pa eni otre planeta, ye hao herba e ye bade herba. Ergo ye hao semena de hao herba e ye bade semena de bade herba. Bat semena es buvidibile. Li somni sekret-nem inen arda, til ke un de li turan en-yao en-jagi. Dan it stiri swa e, al beginsa timidem, extendi versu surya suy ankur, hao kan na, no-ofensive. Si es ankur de radis o rosabush, oni mog lasi it kresi kom it yao. Bat si es koy bade herba, gai extirpi it tuy ke oni rekoni it. Pa syao-prinsa-ney planeta ye terrible semena... sey-las de baobaba. Li inundi planeta-ney arda. E baobaba es tal ke, si oni bu atenti ta pa hao taim, poy oni bu mog librisi swa fon ta. Ta inkombri tote planeta. Ta trabori it bay suy riza. E si planeta es syao e ye mucho baobaba, li mog mah-bangi it.

"Es kwesta de disiplina, — syao prinsa shwo-te a me pyu tardem. — Kada sabah, afte ke yu ordini swa, gai tuy ordini yur planeta.

Gai mah swa regularem extirpi baobabas, tuy ke

Пятая глава

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он ее покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабам.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

- Скажи, ведь правда, барашки едят кусты?

- Да, правда.

- Вот хорошо!

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил:

- Значит, они и баобабы тоже едят?

Я возразил, что баобабы - не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и, если даже он приведет целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услыхав про слонов, Маленький принц засмеялся:

- Их пришлось бы поставить друг на друга...

А потом сказал рассудительно:

- Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

- Это верно. Но зачем твоему барашку есть маленькие баобабы?

- А как же! - воскликнул он, словно речь шла о самых простых, азбучных истинах. И пришлось мне поломать голову, пока я додумался, в чем тут дело.

На планете Маленького принца, как на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землей, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к солнцу, сперва такой милый и безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть его растет на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать ее с корнем, как только ее узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена... это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронизет ее насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут ее на клочки.

- Есть такое твердое правило, - сказал мне позднее Маленький принц. - Встал поутру, умылся, привел себя в порядок - и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать

oni distinti li fon rosabush, ke li simili gro in rane yungitaa. Es gunsa gro-tedi-she bat ga fasile."

E un dey lu konsili ke me trai rasmi se hao, dabe kindas she nu samaji se hao. "Si li safari un dey, — lu shwo, — se mog bi utile fo li. Koyves oni mog weiti sin nuksan e zwo gunsa poy. Bat kun baobabas es sempre katastrofa. Me he koni un planeta, lannik he jivi dar. Lu bu he atenti tri bush..."

Also, segun deskriba de syao prinsa, me he rasmi sey planeta. Me bu pri shwo pa ton de moralista. Bat baobaba-ney danja es tanto shao jan-ney e riska fo toy jen kel geti a asteroida es tanto gran, ke pa sey ves me, pa exepta, kwiti may sanyamtaa. Me shwo: "Kindas! Chauki baobaba!" Me yao warni may amigas om danja kel mog fasilem trefi eniwan, por to hi me he gun tanto gro om sey rasma. It es gunval. Yu mog kwesti: "Way in sey kitaba bu ye otre rasma sam grandiose kom sey-la kun baobaba?" Jawaba es muy simple: me he trai bat bu suksesti. Al rasmi baobaba me gei-te animi bay senta de urjensia.

баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная.

Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли.

- Если им когда-нибудь придется путешествовать, - сказал он, - это им пригодится. Иная работа может и подождать немного, вреда не будет. Но если дашь волю баобадам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполнил вовремя три кустика...

Маленький принц подробно мне все описал, и я нарисовал эту планету. Я терпеть не могу читать людям нравоучения. Но мало кто знает, чем грозят баобабы, а опасность, которой подвергается всякий, кто попадет на астероид, очень велика - вот почему на сей раз я решаюсь изменить своей обычной сдержанности. "Дети! - говорю я. - Берегитесь баобабов!" Я хочу предупредить моих друзей об опасности, которая давно уже их подстерегает, а они даже не подозревают о ней, как не подозревал прежде и я. Вот почему я так трудился над этим рисунком, и мне не жаль потраченного труда. Быть может, вы спросите: отчего в этой книжке нет больше таких внушительных рисунков, как этот, с баобабами? Ответ очень прост: я старался, но у меня ничего не вышло. А когда я рисовал баобабы, меня вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно.

Sit-ney chapta

Oo syao prinsa! Shao-po-shao me he samaji yur melankolike jiva. Duran longtaim yu hev-te kom amusa sol charma de suryalwo. Me he en-jan sey nove detal in char-ney sabah, wen yu shwo:

— Me pri suryalwo. Nu go ba kan surya kel lwo...

— Bat treba weiti...

— Weiti kwo?

— Weiti ke surya lwo.

Un-nem yu sembli surprisi-ney, poy yu ridi om yu selfa, shwo:

— Me sempre dumi ke me es she me!

Ver. Wen es middey in USA, surya — oli jan — yo lwo in Frans. Si oni wud ateni Frans in un minuta, oni wud mog kan suryalwo. Afsos, Frans es gro-dale. Bat on yur planeta gwo sufi, ke yu tiri stula pa kelke stepa. E yu gwo kan suryalwo snova e snova, si yu yao...

— Un dey me he kan suryalwo charshi-tri ves!

E idyen poy yu adi:

— Yu jan... wen es tanto triste, es hao tu kan suryalwo...

— Also in charshi-tri-ves-ney dey yu bin gro-triste?

Bat syao prinsa bu jawabi.

Шестая глава

О Маленький принц! Понемногу я понял также, как печальна и однообразна была твоя жизнь. Долгое время у тебя было лишь одно развлечение: ты любовался закатом. Я узнал об этом наутро четвертого дня, когда ты сказал:

- Я очень люблю закат. Пойдем посмотрим, как заходит солнце.

- Ну, придется подождать.

- Чего ждать?

- Чтобы солнце зашло.

Сначала ты очень удивился, а потом засмеялся над собою и сказал:

- Мне все кажется, что я у себя дома!

И в самом деле. Все знают, что, когда в Америке полдень, во Франции солнце уже заходит. И если бы за одну минуту перенестись во Францию, можно было бы полюбоваться закатом. К несчастью, до Франции очень, очень далеко. А на твоей планете тебе довольно было передвинуть стул на несколько шагов. И ты снова и снова смотрел на закатное небо, стоило только захотеть...

- Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза!

И немного погодя ты прибавил:

- Знаешь... когда станет очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...

- Значит, в тот день, когда ты видел сорок три заката, тебе было очень грустно?

Но Маленький принц не ответил.

Sem-ney chapta

Pa pet-ney dey, snova dank a yan, sekret de syao-prinsa-ney jiva gei reveli a me. Lu kwesti turan, sin preworda, kwasi afte mediti longtaim:

— Yan, si ta chi bush, ta chi yoshi flor ku?

— Ta chi olo ke ta findi.

— Iven flor kun spika ku?

— Ya. Iven flor kun spika.

— Dan spika, li servi fo kwo?

Den se me bu mog shwo. Me zai gro-mangi trai devinti un tro klemi-ney bolta in may motor. Me es nokalme bikos situasion fa-grave, akwa do pi fa-shao, e me en-fobi lo zuy bade.

— Spika, li servi fo kwo?

Syao prinsa neva kwiti kwesta ke lu he fai.

May bolta vexi me, e me jawabi sin dumi:

— Spika bu servi fo nixa, flor hev li simplem por dushtitaa.

— Oo!

Bat afte silensa lu shwo hampi ira-nem:

— Me bu kredi a yu! Flor es feble. E naive. Ta trai mah swa anchun. Ta dumi, ke suy spika mah oli fobi ta...

Me bu shwo nixa. In toy momenta me zai dumi: "Si sey bolta haishi resisti, me gro-darbi it bay hamra e it flai aus". Syao prinsa snova interrupti may дума:

— E yu, yu dumi ke flor...

— Non! Non hi! Me bu dumi nixa. Me he jawabi a yu sin dumi. Me mangi ya un seriose dela!

Lu kan me kun astona:

— Seriose dela?!

Lu zai kan me: hamra in handa, fingas swate por lubrikanta, me zai inklini sobre koy obyekta, kel sembli muy kurupe a lu.

— Yu shwo kom adulta!

Se idyen shamisi me. E lu adi sin pita:

— Yu konfusi olo... yu mixi olo!

Lu es verem gro-ira-ney. Lu ek-sheiki kapa, e feng desordini luy golda-ney har.

— Me gwo koni un planeta, wo ye rude-fas-ney sinior. Lu nulves gwo snifi flor. Lu nulves gwo kan stara. Lu nulves gwo lubi eniwan. Lu nulves gwo zwo enisa krome sumi sifras.

Седьмая глава

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришел к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

- Если барашек есть кусты, он и цветы ест?

- Он есть все, что попадетя.

- Даже такие цветы, у которых шипы?

- Да, и те, у которых шипы.

- Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заел один болт, и я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение становилось серьезным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

- Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа. Неподатливый болт выводил меня из терпенья, и я ответил наоборот:

- Шипы ни зачем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

- Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

- Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают - если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: "Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по нему молотком, что он разлетится вдребезги". Маленький принц снова перебил мои мысли:

- А ты думаешь, что цветы...

- Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьезным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении:

- Серьезным делом?!

Он все смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятым предметом, который казался ему таким уродливым.

- Ты говоришь, как взрослые! - сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

- Все ты путаешь... ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

- Я знаю одну планету, там живет такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с

E duran ol dey lu repeti, ga kom yu: "Me es seriose jen! Me es seriose jen!" e to mah lu inflifi por garwitaa. Bat ta bu es jen, es funga!

— Es kwo?

— Funga!

Syao prinsa es iven pale por ira.

— Duran milion yar flor mah-kresi spika. Duran milion yar yan yedoh chi flor. Ob se bu es seriose dela, tu samaji, way ta gro-trai mah-kresi spika, si li es bu utile? Ob gwer inter yan e flor bu es muhim? Ob se bu es pyu seriose e pyu muhim kem sifra-suming de rude-fas-ney sinior? E si me koni unike flor in munda, kel existi nullok exepte may planeta, e pa un sabah syao yan chi ta sin samaji kwo ta zwo, — ob se bu es muhim?

Lu fa-rude. Poy lu shwo for:

— Si yu lubi flor, unike single flor miden milion stara, se sufi fo bi felise wen yu kan staras. Yu shwo a swa: "May flor es koylok dar..." Bat si yan chi ta, es fo yu kwasi oli stara turan tushi! E se bu es muhim!

Lu bu mog shwo pyu. Lu turan en-plaki gro. Fanocha. Me kwiti gun. May hamra, may bolta, pyasa e morta fa-mokival fo me. Pa un stara, pa un planeta, may-la, Arda, ye syao prinsa ke oni treba konsoli! Me pren lu inu brakas, me luli lu. Me shwo:

"Yu lubi na flor bu es in danja... Me ve rasmi muslidan fo yur yan... Me ve rasmi panza-ki fo yur flor... Me..." Me bu jan hao kwo shwo. Me senti swa gro-nokushale. Me bu jan, komo ateni lu, komo rikontakti lu... Landa de larmas, it es ya misteriaful.

утра до ночи твердит одно: "Я человек серьезный! Я человек серьезный!" - совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

- Что?

- Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

- Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело - понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмет и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это все, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом снова заговорил:

- Если любишь цветок - единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: "Где-то там живет мой цветок..." Но если барашек его съест, это все равно, как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Мне смешны были злополучный болт и молоток, жажда и смерть. На звезде, на планете - на моей планете, по имени Земля - плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: "Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Нарисую для твоего цветка броню... Я..." Я плохо понимал, что говорил. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Я не знал, как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез.

От-ней chapta

Ga sun me en-koni sey flor pyu hao. On syao-prinsa-ney planeta gwo sempre ye flores muy simple, orni-ney bay un sole fila de petalas. Li gwo okupi shao plasa e bu disturbi nulwan. Li gwo apari in herba pa sabah e fadi pa aksham. Bat sey-la ankuri pa un dey aus ti boh jan fon wo lai na semena, e syao prinsa observi muy atenta-nem sey ankur, kel bu es simile a otre-las. Ob es nove genra de baobaba? Bat planta sun stopi kresi e begin tayari flor.

Syao prinsa kan, komo gro-gran buton formi, e senti, ke koy mirakla sal apari aus it. Bat florina, shirmi-ney bay suy grin shamba, tayari e tayari fo bi jamile. Ela selekti suy kolores kun kuyda. Ela klaidi swa lentem, ela mah-fiti suy petalas un afte otre. Ela bu yao chu myati-ney kom mak.

Ela yao apari al brili pa jamilytaa. Oo ya, ela es gro-kokete. Sey misteriaful tayaring duri deys e deys. Pa un sabah, yus al suryachu, ela chu.

E jamilyna, kel gun-te gro fo sey minuta, shwo guapi-yen:

— Ah! Apena me en-jagi... Skusi ba... Me bu es haishi kang-ney...

Syao prinsa bu mog represi luy admira:

— Yu es ya gro-jamile!

— Ver ku? — florina jawabi mulem. — Yoshi me janmi pa same taim kom surya...

Syao prinsa gesi, ke ela bu es tro namre. Bat ela es ya agiti-shem jamile!

Sun ela shwo:

— Sembli ke es taim fo chi sabahfan. Plis bi karim e kuydi om me...

Syao prinsa fa-konfusi, go shuki arosar kun freshe akwa, poy arosi florina.

Sun lu es tormenti-ney bay elay garwita e ofensishilta. Ela hev char spika, e un dey ela shwo:

— Hay tigra lai, me bu fobi ley nakas!

— Pa may planeta tigra yok, — syao prinsa objekti, — e krome to, tigra bu chi herba.

— Me bu es herba, — florina jawabi ofensi-nem.

— Pardon me...

— Me bu fobi tigra, bat me dashati fenging. Yu hev-bu-hev shirma do feng?

Восьмая глава

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы - у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесенного неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаб? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нем появился бутон. Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, еще скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрепанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Тайнственные приготовления длились день за днем. И вот наконец, однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позевывая:

- Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я еще совсем растрепанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

- Как вы прекрасны!

- Да, правда? - был тихий ответ. - И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

- Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У нее было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

- Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

- На моей планете тигры не водятся, - возразил Маленький принц. - И потом, тигры не едят траву.

- Я не трава, - обиженно заметил цветок.

- Простите меня...

- Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

"Dashati fenging... muy bade fo planta... — syao prinsa dumi. — Sey flor hev gro-mushkile karakter".

— Pa aksham pon ba kapushon sobre me. Es muy lenge hir she yu, bu domlik. Dar, fon wo me lai...

Ela bu finshwo. Ela he lai in forma de semena. Ela bu mog jan nixa om otre munda. Shami-yen por to ke oni mog kapti ela al shwo tanto naive luga, ela kafkafi dwa-tri ves, dabe syao prinsa senti luy kulpa:

— Also shirma?..

— Me yao-te go shuki it, bat yu zai shwo-te kun me!

Dan ela en-kafkafi pyu gro, dabe mah lu remorse.

Syao prinsa, malgree ke lu en-lubi florina, sun en-senti duba om ta. Lu persepti nomuhim worda kom seriose, e fa-triste gro.

— Bu he gai audi ela, — lu konfidi a me un dey.

— Neva gai audi flor. Gai kan ta e snifi ta. May florina he mah may planeta aromaful, bat me bu he janmog joi om to. Sey shwowat om nakas, it he mus tachi me, bat me fa-vexi...

Lu konfidi pyu:

— Dan me bu he samaji nixa! He gai judi segun akta, bu segun worda. Ela he dai a me suy aroma, suy luma. Me bu he mus lopi wek! Me he mus gesi dulitaa baken toy simple durtika. Flor es ya kontradiktive! Bat me bin tro yunge, me bu he janmog lubi ta.

Nin-ney chapta

Me dumi, ke lu he utilizi migri-faulas kom safari-tul. Pa sabah de departa lu he klini luy planeta hao. Lu he skrapi luy aktive vulkanes kun kuyda. Lu hev dwa aktive vulkan.

Li es muy utile fo mah-garme sabahfan. Lu hev yoshi un tushi-ney vulkan. Lu he skrapi it toshi: kom lu shwo, oni neva jan kwo mog event. Si vulkan es hao skrapi-ney, it jal moderatem e regularem, sin erupta. Vulkan erupta es kwasi fumtuba-agni.

Es evidente, ke on nuy Arda nu es tro syao fo

"Растение, а боится сквозняков... очень странно... - подумал Маленький принц. - Какой трудный характер у этого цветка".

- Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь ее занесло сюда, когда она была еще зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

- Где же ширма?

- Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его все-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

- Напрасно я ее слушал, - доверчиво сказал он мне однажды. - Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И еще он признался:

- Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.

Девятая глава

Как я понял, он решил странствовать с перелетными птицами. В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был еще один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться!

Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана - это все равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа.

Конечно, мы, люди на земле, слишком малы и не

skrapu inen nuy vulkanes. Por se hi li kausi menga de problema a nu.

Syao prinsa, idyen tristem, yoshi he extirpi laste baobaba-ney ankures. Lu dumi, ke lu neva lai bak. Bat pa toy sabah sey abyas-ney gunsa sembli a lu muy hao gun na. E, wen lu zai arosi florina pa laste ves e sal kovri ela bay kapushon, lu en-yao plaki.

— Adyoo, — lu shwo a florina.

Ela bu jawabi.

— Adyoo, — lu repeti.

Florina ek-kafkafi. Bat bu por lengitura.

— Me bin stupide, — ela shwo pa fin. — Me pregi, ke yu pardoni me. Trai bi felise.

E nul reprosha. Lu es surprisi-ney. Lu resti sin muvi, ga konfusi-ney, kapushon in handa. Lu bu samaji sey mule dulitaa.

— Ya, ya, me lubi yu, — florina shwo. Es may kulpa, ke yu bu he jan se. Bu es muhim. Bat yu bin sam stupide kom me. Trai bi felise... Lyu ba sey kapushon, me bu yao it pyu.

— Bat feng...

— May lengitura bu es tanto gro... Freshe aira de nocha ve bi hao fo me. Me es flor.

— Bat bestias...

— Gai ke me toleri dwa-tri katapila, si me yao en-koni parpares. Li mus bi muy jamile. Si non, hu visiti me? Yu ve bi dale. E gran bestias, me bu fobi li. Me hev nakas.

Ela diki naivem suy char spika.

Poy ela adi:

— Bu deri pyu, se vexi. Yu he desidi departi. Go wek ba.

Ela bu yao, ke syao prinsa vidi, ke ela plaki. Ela es gro-garwe flor...

можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Не без грусти Маленький принц вырвал также последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернется. Но в это утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил и собрался накрыть колпаком чудесный цветок, ему даже захотелось плакать.

- Прощайте, - сказал он.

Красавица не ответила.

- Прощайте, - повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

- Я была глупая, - сказала она наконец. - Прости меня.

И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц был очень удивлен. Он застыл, смущенный и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

- Да, да, я люблю тебя, - услышал он. - Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым...

Оставь колпак, он мне больше не нужен.

- Но ветер...

- Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я - цветок.

- Но звери, насекомые...

- Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

- Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти - так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

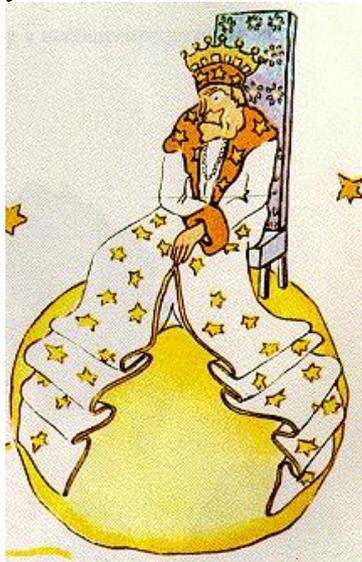
[Kontinusa:](http://lingwadeplaneta.info/files/prin_rus2.pdf)

http://lingwadeplaneta.info/files/prin_rus2.pdf

Shi-ney chapta

Zuy blise asteroida es 325, 326, 327, 328, 329 e 330. Also lu begin safari bay visiti li: treba ya zwo koysa e en-jan lo nove.

Un-ney-la gei habiti bay un rego. Sey-la, klaidi-ney pa purpur e ermina, zai sidi on muy simple, yedoh mahan tron.

— Aa, walaa regi-ney jen, — rego ek-krai al vidi syao prinsa.

"Komo ta rekonu me? Ta ya vidi me pa un-ney ves", — syao prinsa dumi.

Lu bu jan, ke fo rega munda es gro-simplisi-ney: oli jen es regi-ney jen.

— Blisifi a me, dabe me vidi yu hao, — rego shwo, gro-garwe por ke ta es rego fo koywan. Syao prinsa shuki bay okos plasa fo en-sidi, bat planeta es totem inkombri-ney bay magnifike ermina-mantela. Also lu resti stan e, por ke lu es fatigi-ney, ek-guapi.

— Tu guapi in presensia de rego es kontra etiket, — monarka shwo. — Me prohibi se a yu.

— Es sin intenta, — syao prinsa jawabi, ga konfusi-ney. — Me he safari longtaim, me bu he somni...

— Dan me preskribi ke yu guapi, — rego shwo. — Me bu he vidi guapi-she jen duran mucho yar, es kuriose. Kamon, guapi pyu! Es komanda.

— Me fa-timide... me bu mog pyu... — syao prinsa shwo al fa-rude.

— Hm, hm... Dan... me komandi a yu nau guapi e nau...

Rego murmuri koysa e sembli vexi-ney.

Es ya zuy muhim kosa fo rego, ke oni obedi lu. Ta bu toleri desobedo. Ta es absolute monarka. Bat ta

Десятая глава

Ближе всего к планете Маленького принца были астероиды 325, 326, 327, 328, 329 и 330. Вот он и решил для начала посетить их: надо же найти себе занятие, да и поучиться чему-нибудь.

На первом астероиде жил король. Облаченный в пурпур и горностаи, он восседал на троне - очень простом и все же величественном.

- А, вот и подданный! - воскликнул король, увидав Маленького принца.

"Как же он меня узнал? - подумал Маленький принц. - Ведь он видит меня в первый раз!"

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощенно: для них все люди - подданные.

- Подойди, я хочу тебя рассмотреть, - сказал король, ужасно гордый тем, что он может быть для кого-то королем. Маленький принц оглянулся - нельзя ли где-нибудь сесть, но великолепная горностаевая мантия покрывала всю планету. Пришлось стоять, а он так устал... и вдруг он зевнул.

- Этикет не разрешает зевать в присутствии монарха, - сказал король. - Я запрещаю тебе зевать.

- Я нечаянно, - ответил Маленький принц, очень смущенный. - Я долго был в пути и совсем не спал...

- Ну, тогда я повелеваю тебе зевать, - сказал король. - Многие годы я не видел, чтобы кто-нибудь зевал. Мне это даже любопытно. Итак, зевай! Таков мой приказ.

- Но я робею... я больше не могу... - вымолвил Маленький принц и весь покраснел.

- Гм, гм... Тогда... Тогда я повелеваю тебе то зевать, то...

Король запутался и, кажется, даже немного рассердился. Ведь для короля самое важное - чтобы ему повиновались беспрекословно. Непокорства он

es muy karim e por to komandi sol rasum-ney kosa.

"Si me komandi a may general tu transformi swa inu mar faula, — ta gwo shwo, — e may general bu obedi, es ya may kulpa, bu luy".

— Ob me darfi en-sidi? — syao prinsa kwesti timidem.

— Me komandi ke yu en-sidi, — rego shwo e mahanem tiri versu swa un lapa de suy erminamantela.

Bat syao prinsa es perplexe. Planeta es gro-syao. Rego zai regi sobre kwo?

— Yur Mahantaa, — lu shwo, — ob me darfi kwesti...

— Me komandi ke yu kwesti, — rego shwo pa hasta.

— Yur Mahantaa... yu regi sobre kwo?

— Sobre olo, — rego shwo kun gro-simplitaa.

— Sobre olo?

Rego zwo un sanyam jesta, indiki-yen suy planeta, otre planetas e staras.

— Sobre ol se? — syao prinsa shwo.

— Ya, — rego shwo.

Por ke ta es bu sol absolute monarka, bat yoshi monarka universale.

— E staras obedi yu ku?

— Sertem, — rego shwo. — Staras obedi me tuy. Me bu toleri desobeda.

Tal mahta mah syao prinsa admiru. Si lu selfa wud hev it, lu wud mog kan suryalwo bu charshi-char ves, bat semshi-dwa, sto, iven dwasto ves duran un dey sin ke treba tiri stula! Lu ek-senti tristitaa al remembi luy kwiti-ney planeta, e osi pregi rego om favor:

— Me wud yao kan suryalwo... Zwo favor a me, plis komandi ke surya lwo...

— Si me komandi a general tu flai kom parpar fon un flor a otre, o tu komposi tragedia, o tu transformi swa inu mar faula, e si general bu fulfil komanda, dan hu es noprave, me o lu?

— Se wud bi yu, — syao prinsa shwo sin hesiti.

— Ver ya. Gai demandi fon kadawan to ke kadawan mog dai. Mahta mus gei fundi primem on rasum. Si yu komandi ke yur jenmin go lansi swa inu mar, it ve zwo revolusion. Me hev raita

бы не потерпел. Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания.

"Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, - говаривал он, - и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя".

- Можно мне сесть? - робко спросил Маленький принц.

- Повелеваю: сядь! - отвечал король и величественно подобрал одну полу своей горностаевой мантии.

Но Маленький принц недоумевал. Планетка такая крохотная. Чем же правит этот король?

- Ваше величество, - начал он, - могу ли я вас спросить...

- Повелеваю: спрашивай! - поспешно сказал король.

- Ваше величество... чем вы правите?

- Всем, - просто ответил король.

- Всем?

Король повел рукою, скромно указывая на свою планету, а также и на другие планеты, и на звезды.

- И всем этим вы правите? - переспросил Маленький принц.

- Да, - отвечал король.

Ибо он был поистине полновластный монарх и не знал никаких пределов и ограничений.

- И звезды вам повинуются? - спросил Маленький принц.

- Ну конечно, - отвечал король. - Звезды повинуются мгновенно. Я не терплю непослушания.

Маленький принц был восхищен. Вот бы ему такое могущество! Он бы тогда любовался закатом солнца не сорок четыре раза в день, а семьдесят два, а то и сто, и двести раз, и при этом ему даже не приходилось бы передвигать стул с места на место! Тут он снова загрустил, вспоминая свою покинутую планету, и набравшись храбрости, попросил короля:

- Мне хотелось бы поглядеть на заход солнца...

Пожалуйста, сделайте милость, повелите солнцу закатиться...

- Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват - он или я?

- Вы, ваше величество, - ни минуты не колеблясь, ответил Маленький принц.

- Совершенно верно, - подтвердил король. - С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть прежде всего должна быть разумной. Если ты повелишь своему народу броситься в море, он устроит

demandi obeda bikos may komandas es rasum-ney.

— Also suryalwo? — syao prinsa mah-remembi. Lu neva fogeti kwesta ke lu he fai.

— Yu ve jui it. Me ve demandi ke surya lwo. Bat, segun may jana de governing, me weiti til ke kondisiones es favori-she.

— Wen to ve bi? — syao prinsa inkweri.

— Hm, hm, — rego jawabi al lifi grose kalenda, — se ve bi... hm, hm... sey aksham se ve bi klok sem charshi! Dan yu ve vidi komo hao oni obedi me.

Syao prinsa guapi. Lu afsosi fala de suryalwo. Krome to, lu senti swa yo idyen tedi-ney.

— Bu ye nixa ke me zwo hir, — lu shwo a rego. — Me sal go wek.

— Bu go! — rego shwo, ta es ya garwe por hev un regi-ney jen. — Bu go, me ve zwo yu minista!

— Minista de kwo?

— De... de justis.

— Bat nul jen fo judi yok!

— Oni bu jan, — rego repliki. — Me haishi bu he turi may regilanda. Me es muy lao, plasa fo gari yok, e tu pedi mah me fatigi.

Syao prinsa inklini swa, dabe kan otre taraf de planeta un ves pyu:

— Bat me he kan yo! Dar toshi bu ye nul jen.

— Dan judi yu selfa, — rego jawabi. — Es lo zuy mushkile. Es mucho pyu mushkile tu judi swa selfa, kem tu judi otre. Si yu sukseji judi swa selfa, dan yu es verem saje.

— Tu judi me selfa, me mog zwo se enilok, — syao prinsa shwo. — Me bu treba resti hir.

— Hm, hm... — rego shwo. — Sembli ke on may planeta ye un lao rata koylok. Me audi ta pa nocha. Yu mog judi sey lao rata. Fon taim a taim kondamni ta a morta. Also suy jiva ve dependi fon yur juda. Bat kada ves pardoni ta. Treba spari ta, ta es sole.

— Me bu pri kondamni a morta, — syao prinsa shwo, — e me dumi ke es taim fo go wek.

— Non, — rego shwo.

Syao prinsa es tayar fo departi, bat lu bu yao mah-triste lao monarka:

революцию. Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны.

- А как же заход солнца? - напомнил Маленький принц: раз о чем-нибудь спросив, он уже не отступался, пока не получал ответа.

- Будет тебе и заход солнца. Я потребую, чтобы солнце зашло. Но сперва дождусь благоприятных условий, ибо в этом и состоит мудрость правителя.

- А когда условия будут благоприятные? - осведомился Маленький принц.

- Гм, гм, - ответил король, листая толстый календарь. - Это будет... Гм, гм... Сегодня это будет в семь часов сорок минут вечера. И тогда ты увидишь, как точно исполнится мое повеление.

Маленький принц зевнул. Жаль, что тут не поглядишь на заход солнца, когда хочется! И, по правде говоря, ему стало скучновато.

- Мне пора, - сказал он королю. - Больше мне здесь нечего делать.

- Остайся! - сказал король: он был очень горд тем, что у него нашелся подданный, и не хотел с ним расставаться. - Остайся, я назначу тебя министром.

- Министром чего?

- Ну... юстиции.

- Но ведь здесь некого судить!

- Как знать, - возразил король. - Я еще не осмотрел всего моего королевства. Я очень стар, для кареты у меня нет места, а ходить пешком так утомительно... Маленький принц наклонился и еще раз заглянул на другую сторону планеты.

- Но я уже смотрел! - воскликнул он. - Там тоже никого нет.

- Тогда суди сам себя, - сказал король. - Это самое трудное. Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

- Сам себя я могу судить где угодно, - сказал Маленький принц. - Для этого мне незачем оставаться у вас.

- Гм, гм... - сказал король. - Мне кажется, где-то на моей планете живет старая крыса. Я слышу, как она скребется по ночам. Ты мог бы судить эту старую крысу. Время от времени приговаривай ее к смертной казни. От тебя будет зависеть ее жизнь. Но потом каждый раз надо будет ее помиловать. Надо беречь старую крысу, она ведь у нас одна.

- Не люблю я выносить смертные приговоры, - сказал Маленький принц. - И вообще мне пора.

- Нет, не пора, - возразил король.

Маленький принц уже совсем собрался в дорогу, но ему не хотелось огорчать старого монарха.

— Si Yur Mahantaa wud yao gei obedi, Yu wud mog fai a me koy rasum-ney komanda. Fo exampla, ke me departi tuy. Sembli ke kondisiones es zuy favori-she...

Rego bu jawabi. Syao prinsa hesiti idyen, poy sospiri e departi.

— Me zwo yu may sendijen! — rego hasti kraai.

E ta aspekti ga monarka-simile.

"Adultas es gro-strane", syao prinsa dumi al suy dao.

Shi-un-ney chapta

Dwa-ney planeta gei habiti bay un gamandenik.

— Oo, walaa un admir-sha! — ta ek-kraai tuy ke ta vidi syao prinsa in dalitaa.

Bikos fo gamande jen oli otre jen es admir-sha.

— Hao dey, — syao prinsa shwo. — Yu hev drole shapa.

— Es dabe fai saluta, — gamandenik jawabi, — fai saluta wen oni aklami me. Pa nofortuna, hir nulwan go pas.

— Ver ku? — syao prinsa shwo, lu bu samaji.

— Klapi ba handas, — gamandenik konsili. Syao prinsa klapi handas. Gamandenik fai saluta namrem al lifti shapa.

— Es pyu amusi-she hir kem she rego, — syao prinsa dumi. E lu riklapi handas, e gamandenik rifai saluta al lifti shapa.

Afte pet minuta de same geim syao prinsa en-fatigi:

— E dabe shapa lwo, — lu kwesti, — kwo treba zwo?

Bat gamandenik bu audi. Gamande jen sempre audi sol lauda.

- Если вашему величеству угодно, чтобы ваши повеления беспрекословно исполнялись, - сказал он, - вы могли бы отдать благоразумное приказание. Например, повелите мне пуститься в путь, не мешкая ни минуты... Мне кажется, условия для этого самые что ни на есть благоприятные.

Король не отвечал, и Маленький принц немного помедлил в нерешимости, потом вздохнул и отправился в путь.

- Назначаю тебя послом! - поспешно крикнул вдогонку ему король.

И вид у него при этом был такой, точно он не потерпел бы никаких возражений.

"Странный народ эти взрослые", - сказал себе Маленький принц, продолжая путь.

Одиннадцатая глава

На второй планете жил честолюбец.

- О, вот и почитатель явился! - воскликнул он, еще издали завидев Маленького принца.

Ведь тщеславным людям кажется, что все ими восхищаются.

- Добрый день, - сказал Маленький принц. - Какая у вас забавная шляпа.

- Это чтобы раскланиваться, - объяснил честолюбец. - Чтобы раскланиваться, когда меня приветствуют. К несчастью, сюда никто не заглядывает.

- Вот как? - промолвил Маленький принц: он ничего не понял.

- Похлопай-ка в ладоши, - сказал ему честолюбец. Маленький принц захлопал в ладоши. Честолюбец снял шляпу и скромно раскланялся.

"Здесь веселее, чем у старого короля", - подумал Маленький принц. И опять стал хлопать в ладоши. А честолюбец опять стал раскланиваться, снимая шляпу.

Так минут пять подряд повторялось одно и то же, и Маленькому принцу это наскучило.

- А что надо сделать, чтобы шляпа упала? - спросил он.

Но честолюбец не слышал. Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.

— Ob yu verem gro-admiri me? — ta kwesti syao prinsa.

— Kwo se maini, tu admirir?

— Tu admirir maini tu rekoni, ke me es zuy jamile, zuy hao klaidi-ney, zuy riche e zuy intele jen pa sey planeta.

— Bat yu es sole pa yur planeta!

— Zwo ba sey plesir a me, yedoh admirir me!

— Me admirir yu, — syao prinsa shwo al idyen ek-lifti plechas, — bat way yu nidi se tanto gro?

E syao prinsa go wek.

"Adultas es verem gro-strane", lu dumi nodurtem al suy dao.

Shi-dwa-ney chapta

Sekwi-she planeta gei habiti bay un pyannik. Sey visita es muy kurte, bat it mah syao prinsa gro-triste.

Pyannik zai sidi pa silensa bifoo fila de fule botelas e fila de vakue botelas.

— Kwo yu zwo? — syao prinsa kwesti.

— Me pi, — pyannik shwo glumem.

— Way yu pi?

— Dabe fogeti, — pyannik jawabi.

— Fogeti kwo? — syao prinsa kwesti, lu en-piti pyannik.

— Fogeti ke me shami, — pyannik konfesi e mah-lwo kapa.

— Shami por kwo? — syao prinsa inkweri, lu yao helpi.

— Shami por pi! — pyannik shwo e en-silensi fin-nem.

E syao prinsa go wek, perplexe.

"Adulte jenta es verem gro-strane", lu dumi al suy dao.

- Ты и в самом деле мой восторженный почитатель? - спросил он Маленького принца.

- А как это - почитать?

- Почитать значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней.

- Да ведь на твоей планете больше и нет никого!

- Ну, доставь мне удовольствие, все равно восхищайся мною!

- Я восхищаюсь, - сказал Маленький принц, слегка пожав плечами, - но что тебе от этого за радость?

И он сбежал от честолюбца.

"Право же, взрослые - очень странные люди", - простодушно подумал он, пускаясь в путь.

Двенадцатая глава

На следующей планете жил пьяница. Маленький принц пробыл у него совсем недолго, но стало ему после этого очень невесело.

Когда он явился на эту планету, пьяница молча сидел и смотрел на выстроившиеся перед ним полчища бутылок - пустых и полных.

- Что это ты делаешь? - спросил Маленький принц.

- Пью, - мрачно ответил пьяница.

- Зачем?

- Чтобы забыть.

- О чем забыть? - спросил Маленький принц; ему стало жаль пьяницу.

- Хочу забыть, что мне совестно, - признался пьяница и повесил голову.

- Отчего же тебе совестно? - спросил Маленький принц, ему очень хотелось помочь бедняге.

- Совестно пить! - объяснил пьяница, и больше от него нельзя было добиться ни слова.

И Маленький принц отправился дальше, растерянный и недоумевающий.

"Да, право же, взрослые очень, очень странный народ", - думал он, продолжая путь.

Shi-tri-ney chapta

Char-ney planeta es sey-la de bisnesjen. Sey jen tanto gro-mangi ke ta bu iven lifti kapa al ke syao prinsa lai.

— Hao dey, — syao prinsa shwo. — Yur sigareta he tushi.

— Tri e dwa es pet. Pet e sem, shi-dwa. Shi-dwa e tri, shi-pet. Hao dey. Shi-pet e sem, dwashi-dwa. Dwashi-dwa e sit, dwashi-ot. Taim fo agnisi yok. Dwashi-sit e pet, trishi-un. Uf! Also in suma es petsto-un milion sitsto-dwashi-dwa mil semsto-trishi-un.

— Petsto-un milion de kwo?

— Aa? Yu es haishi hir? Petsto-un milion de... de... me bu jan pyu... Me hev tanto gunsa! Me es seriose jen, me bu es shwonik! Dwa e pet, sem...

— Petsto-un milion de kwo? — repeti syao prinsa kel neva kwiti lu fai na kwesta.

Bisnesjen lifti kapa:

— Duran petshi-char yar ke me jivi pa sey planeta, oni he disturbi me sol tri ves. Pa un-ney ves, se bin dwashi-dwa yar bak, koy meyjuk lwo hir Boh jan fon wo. Ta fai gro-shum, e me zwo char galta in adita. Al dwa-ney ves, se bin shi-un yar bak, me hev reumatisma ataka. Por shaotaa de fisike tamrin. Taim fo flani yok. Me es seriose jen. Tri-ney ves... walaa it! Also, me shwo, petsto-un milion...

— Milion de kwo?

Bisnesjen samaji, ke ta bu mog nadi om kalmitaa.

— Milion de sey syao kosa kel oni vidi koyves in skay.

— Moska?

— Non, syao kosa kel brili.

— Mifen?

Тринадцатая глава

Четвертая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял.

- Добрый день, - сказал ему Маленький принц. - Ваша папироса погасла.

- Три да два - пять. Пять да семь - двенадцать. Двенадцать да три - пятнадцать. Добрый день. Пятнадцать да семь - двадцать два. Двадцать два да шесть - двадцать восемь. Некогда спичкой чиркнуть. Двадцать шесть да пять - тридцать один. Уф! Итого, стало быть, пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать один.

- Пятьсот миллионов чего?

- А? Ты еще здесь? Пятьсот миллионов... Уж не знаю, чего... У меня столько работы! Я человек серьезный, мне не до болтовни! Два да пять - семь...

- Пятьсот миллионов чего? - повторил Маленький принц: спросив о чем-нибудь, он не успокаивался, пока не получал ответа.

Деловой человек поднял голову.

- Уже пятьдесят четыре года я живу на этой планете, и за все время мне мешали только три раза. В первый раз, двадцать два года тому назад, ко мне откуда-то залетел майский жук. Он поднял ужасный шум, и я тогда сделал четыре ошибки в сложении. Во второй раз, одиннадцать лет тому назад, у меня был приступ ревматизма. От сидячего образа жизни. Мне разгуливать некогда. Я человек серьезный. Третий раз... вот он! Итак, стало быть, пятьсот миллионов...

- Миллионов чего?

Деловой человек понял, что надо ответить, а то не будет ему покоя.

- Пятьсот миллионов этих маленьких штучек, которые иногда видны в воздухе.

- Это что же, мухи?

- Да нет же, такие маленькие, блестящие.

- Пчелы?

— Non ya. Syao goldika kel mah oli lannik drimi. Bat me es seriose, me bu hev taim fo shma-drimi.

— Aa, stara?

— Ver. Stara.

— E kwo yu zwo bay petsto milion stara?

— Petsto-un milion sitsto-dwashi-dwa mil semsto-trishi-un. Me es seriose, me es exakte.

— E kwo yu zwo bay sey stara?

— Kwo me zwo bay li?

— Ya.

— Nixa. Me posesi li.

— Yu posesi stara?

— Ya.

— Bat me he yo vidi rego kel...

— Regas bu posesi. Li regi. Es ga otre dela.

— E tu posesi stara, es fo kwo?

— Es fo ke me es riche.

— E tu bi riche, es fo kwo?

— Es fo kupi otre stara, si koywan deskovri li.

"Sey wan resoni hampi kom pyannik", — syao prinsa dumi.

Yedoh lu kwesti pyu:

— E komo oni mog posesi stara?

— Stara es hu-ney? — bisnesjen repliki grumbli-shem.

— Me bu jan. Nulwan-ney.

— Ergo li es me-ney, bikos me hi es un-ney jen kel he dumi om to.

— Se sufi ku?

— Sertem. Si yu findi diamanta kel es nulwan-ney, es yu-ney. Si yu findi isla kel es nulwan-ney, es yu-ney. Si yu es un-ney jen kel hev koy idea, yu patenti it: it es yu-ney. Also me posesi stara, por ke nulwan bifoo me hev-te idea de posesi li.

— Ver, — syao prinsa shwo. — E kwo yu zwo bay li?

— Me administri li. Me konti e rikonti li. Bu es fasile. Bat me es seriose jen.

Bat se haishi bu satisfakti syao prinsa.

— Si me posesi un tuh, me mog pon it sirkum galsa e porti wek kun me. Si me posesi un flor, me mog pluki it e porti wek kun me. Bat yu bu mog pluki stara!

— Non, bat me mog plasi li inu banka.

— Se maini kwo?

- Да нет же. Такие маленькие, золотые, всякий лентяй как посмотрит на них, так и размечтается. А я человек серьезный. Мне мечтать некогда.

- А, звезды?

- Вот-вот. Звезды.

- Пятьсот миллионов звезд? Что же ты с ними делаешь?

- Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна. Я человек серьезный, я люблю точность.

- Так что же ты делаешь со всеми этими звездами?

- Что делаю?

- Да.

- Ничего не делаю. Я ими владею.

- Владеешь звездами?

- Да.

- Но я уже видел короля, который...

- Короли ничем не владеют. Они только правят. Это совсем другое дело.

- А для чего тебе владеть звездами?

- Чтоб быть богатым.

- А для чего быть богатым?

- Чтобы покупать еще новые звезды, если их кто-нибудь откроет.

"Он рассуждает почти как пьяница", - подумал Маленький принц.

И стал спрашивать дальше:

- А как можно владеть звездами?

- Звезды чьи? - ворчливо спросил делец.

- Не знаю. Ничьи.

- Значит, мои, потому что я первый до этого додумался.

- И этого довольно?

- Ну конечно. Если ты найдешь алмаз, у которого нет хозяина, - значит, он твой. Если ты найдешь остров, у которого нет хозяина, он твой. Если тебе первому придет в голову какая-нибудь идея, ты берешь на нее патент: она твоя. Я владею звездами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть.

- Вот это верно, - сказал Маленький принц. - И что же ты с ними делаешь?

- Распожняюсь ими, - ответил делец. - Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьезный.

Однако Маленькому принцу этого было мало.

- Если у меня есть шелковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, - сказал он. - Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звезды!

- Нет, но я могу положить их в банк.

- Как это?

— Se maini ke me skribi on papir-ki namba de may stara. Dan me pon sey papir-ki inu tiriboxa e klefi it.

— Es fin ku?

— Se sufi!

"Es kuriose, — syao prinsa dumi. — Es aika poetike. Bat se bu es muy seriose."

Syao prinsa samaji seriose dela ga othem kem adultas.

— E me, — lu shwo, — me posesi flor ke me arosi kada dey. Me posesi tri vulkan ke me skrapu kada wik. Me skrapu toshi inen tushi-ney-la. Oni neva jan kwo mog eventi. Es utile a may vulkan, es utile a may flor, ke me posesi li. Bat yu bu es utile a stara...

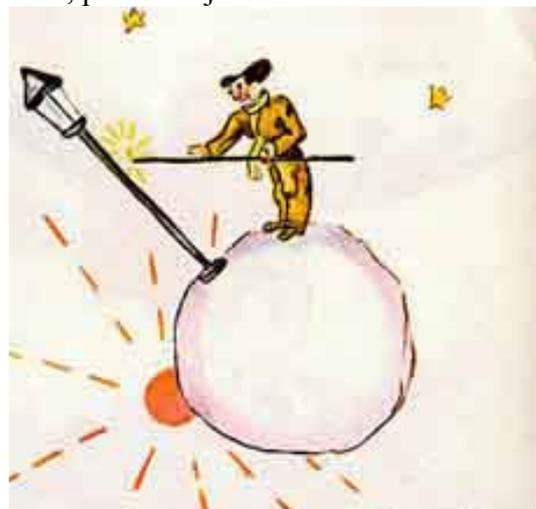
Bisnesjen ofni muh fo jawabi, bat findi nixa fo shwo, e syao prinsa go wek.

"Adultas es verem ga nopinchan", lu dumi nodurtem al suy dao.

Shi-char-ney chapta

Pet-ney planeta es muy kuriose. Es zuy syao. Dar ye plasa yus fo un fanus e un fanusyuan. Syao prinsa bu mog samaji, way oni nidi fanus e fanusyuan on syao planeta koylok pa skay, wo bu ye ni dom ni jen. Yedoh lu dumi:

"Mogbi sey jen es absurde. Bat ta es meno absurde kem rego, gamandenik, bisnesjen e ryannik. Amini suy gunsa hev sensu. Wen ta lumisi suy fanus, es kwasi yoshi un stara o yoshi un flor janmi. Wen ta tushi suy fanus, es kwasi ta mah flor o stara en-somni. Muy jamile zunsu. Es verem utile, por ke es jamile."

- А так: пишу на бумажке, сколько у меня звезд. Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.

- И все?

- Этого довольно.

"Забавно! - подумал Маленький принц. - И даже поэтично. Но не так уж это серьезно".

Что серьезно, а что не серьезно, - это Маленький принц понимал по-своему, совсем не так, как взрослые.

- У меня есть цветок, - сказал он, - и я каждое утро его поливаю. У меня есть три вулкана, я каждую неделю их прочищаю. Все три прочищаю, и потухший тоже. Мало ли что может случиться. И моим вулканам, и моему цветку полезно, что я ими владею. А звездам от тебя нет никакой пользы...

Деловой человек открыл было рот, но так и не нашелся что ответить, и Маленький принц отправился дальше.

"Нет, взрослые и правда поразительный народ", - простодушно говорил он себе, продолжая путь.

Четырнадцатая глава

Пятая планета была очень занятая. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось что фонарь да фонащик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонащик. Но он подумал:

"Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе все-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь - как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь - как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво".

Al ke lu lai a planeta, lu saluti fanusyuan kun respekta:

— Hao dey! Way yu yus he tushi fanus?

— Es instrukta, — fanusyuan jawabi. — Hao dey.

— Kwel es instrukta?

— Es tu tushi fanus. Hao aksham.

E ta rilumisi it.

— Bat way yu yus he lumisi it snova?

— Es instrukta, — fanusyuan repeti.

— Me bu samaji, — syao prinsa shwo.

— Bu ye nixa fo samaji. Instrukta es instrukta.

Hao dey.

E ta tushi fanus.

Poy ta waipi frenta bay poshtuh do rude kwadra.

— Es gro-mushkile zunsu. Bifooen se bin rasumney. Me gwo tushi pa sabah e lumisi pa aksham. Me gwo hev resta de lumadey fo reposi e resta de nocha fo somni...

— E poy instrukta he shanji?

— Instrukta bu he shanji, — fanusyuan shwo. — Se hi es problema! May planeta turni pyu e pyu kway fon yar a yar, bat instrukta es same.

— Also? — syao prinsa shwo.

— Also nau, wen it fai un turna per un minuta, me bu hev nul sekunda fo reposi. Me tushi e lumisi kada minuta!

— Es drole! Dey she yu duri un minuta!

— Totem bu es drole, — fanusyuan shwo. — Nu kunshwo yo mes.

— Tote mes?

— Ya. Trishi minuta. Trishi dey! Hao aksham.

E ta rilumisi fanus.

Syao prinsa zai kan ta e en-lubi sey fanusyuan, kel es tanto fidele a instrukta. Syao prinsa remembi, komo lu gwo tiri stula, dabe kan suryalwo. E lu en-yao helpi suy amiga:

— Audi ba... me jan, komo yu mog reposi wen yu yao.

— Me sempre yao, — fanusyuan shwo.

Por ke oni mog bi fidele e lan pa same taim.

— Yur planeta es gro-syao, — syao prinsa kontinu, — yu mog go sirkum it bay tri gro-stepa. Yu gai simplem go aika lentem, dabe sempre resti sub surya. Wen yu en-yao reposi, yu simplem go... e lumadey duri tanto kwanto yu yao.

И, поравнявшись с этой планеткой, он почтительно поклонился фонарщику.

- Добрый день, - сказал он. - Почему ты сейчас погасил фонарь?

- Такой уговор, - ответил фонарщик. - Добрый день.

- А что это за уговор?

- Гасить фонарь. Добрый вечер.

И он снова засветил фонарь.

- Зачем же ты опять его зажег?

- Такой уговор, - повторил фонарщик.

- Не понимаю, - признался Маленький принц.

- И понимать нечего, - сказал фонарщик, - уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утер пот со лба и сказал:

- Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался день, чтобы отдохнуть, и ночь, что бы выспаться...

- А потом уговор переменялся?

- Уговор не менялся, - сказал фонарщик. - В том-то и беда! Моя планета год от году вращается все быстрее, а уговор остается прежний.

- И как же теперь? - спросил Маленький принц.

- Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

- Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!

- Ничего тут нет забавного, - возразил фонарщик. -

Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

- Целый месяц?!

- Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь.

Маленький принц смотрел на фонарщика, и ему все больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. Маленький принц вспомнил, как он когда-то переставлял стул с места на место, чтобы лишний раз поглядеть на закат солнца. И ему захотелось помочь другу.

- Послушай, - сказал он фонарщику, - я знаю средство: ты можешь отдыхать, когда только захочешь...

- Мне все время хочется отдыхать, - сказал фонарщик. Ведь можно быть верным слову и все-таки ленивым.

- Твоя планетка такая крохотная, - продолжал Маленький принц, - ты можешь обойти ее в три шага.

И просто нужно идти с такой скоростью, чтобы все время оставаться на солнце. Когда захочется отдохнуть, ты просто все иди, иди... И день будет

— Wel, se bu helpi gro, — fanusyuan shwo. — To ke me pri zuy gro es tu somni.
— Es buhao, — syao prinsa shwo.

— Es buhao, — fanusyuan shwo. — Hao dey.

E ta tushi fanus.

"Walaa jen, — syao prinsa dumi al kontinu luy safara, — jen kel wud gei norespekti bay otre-las: rego, gamandenik, pyannik, bisnesjen. Yedoh ta es sole kel bu sembli ridival a me. Mogbi, es por ke ta zun koysa otre kem ta selfa."

Lu sospiri kun afsos e dumi:

"Ta es sole kun kel me wud mog fai amigita. Bat suy planeta es verem syao. Plasa fo dwa jen yok..."

Syao prinsa bu osi konfesi a swa, ke lu afsosi om sey blesi-ney planeta primem por mil charsto-charshi suryalwo per dwashi-char ora!

тянуться столько времени, сколько ты пожелаешь.

- Ну, от этого мне мало толку, - сказал фонарщик. - Больше всего на свете я люблю спать.

- Тогда плохо твое дело, - посочувствовал Маленький принц.

- Плохо мое дело, - подтвердил фонарщик. - Добрый день.

И погасил фонарь.

"Вот человек, - сказал себе Маленький принц, продолжая путь, - вот человек, которого все стали бы презирать - и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе".

Маленький принц вздохнул.

"Вот бы с кем подружиться, - подумал он еще. - Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих..."

Он не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке еще по одной причине: за двадцать четыре часа на ней можно любоваться закатом тысячу четыреста сорок раз!